

Замѣтки писателя

ЛУКІАНЪ НАШЕГО ВРЕМЕНИ КЪ 70-ЛѢТІЮ БЕРНАРДА ШОУ

Бернард Шоу, которому недавно исполнилось 70 лет...

Я живо помню, когда и как Бернард Шоу привлек меня к себе...

По своему мировоззрению он тонкий скептик...

По формѣ же, по литературному стилю в широком смысле...

Поэтому он для того, чтобы высказывать мысли...

На этом памятном мнѣ засѣданіи Фабианскаго Общества...

Вот все, что пишешь, говорить и вообще «производишь»...

Он — социалист, но самое лучшее, если на единственно истинное...

Я думаю, что социализм, есть убийственная критика...

Вот в этом переводе этого замѣчательнаго Essay Шоу...

Милости просим, доброго здоровья

Петръ Струве.

Иванъ Васильичъ. Въ аккуратъ къ самоварчику!

Самоварчикъ дымилъ по всей аллѣ...

— Ну, какъ? Все въ порядкѣ?

— Пока плохого нѣту, Иванъ Васильичъ.

Чай подали ему (тоже осторожно, почтительно)...

— Ну, и слава Богу, что пока все хорошо...

— Ужъ чего хуже! — сочувственно подтвердили караульщики.

Иванъ Васильичъ помолчалъ; потомъ поднялся и пошелъ за шалашъ.

— Выше, не выше, а не радость, — сказалъ онъ...

— Выходитъ, по еѣ, что одно хорошо: видѣть во снѣ, что демотъ пьешь...

— Это было легко моему землѣ! Ант. Флоровскій.

АНГЛІЯ. — На этой недѣлѣ Бернарду Шоу исполнилось 70 лѣтъ.

— Въ Лондонѣ закончился гастроль Дягилевскаго балета.

— Судья любилъ къ прекрасной книгѣ перекладывать порою въ непреодолимую страсть.

Хотѣлось бы надѣяться, что и послѣ смерти И. А. Ляниченко, его книжное браіе будетъ центромъ научной работы

Изъ совѣтской беллетристики

М. БУЛГАКОВЪ. Дьяволада. Рассказы. Издат. «Мѣдра» (Мос. Гос. Об'ѣд. Полигр. Пром. - Мосполиграфъ). 1925. Стр. 180.

Года два назадъ г. Булгаковъ выпустилъ повѣсть Дьяволада...

Но, къ сожалѣнію, мой интересъ оказался обманутымъ...

Направленіе творчества г. Булгакова — любопытно...

Продовжъ подобнаго мироощущенія найдено, но трудно: это, отчасти Гофманнъ, отчасти Достоевскій...

Прежде — хорошее и самый подходъ къ темѣмъ — художественно интересно...

Въ Дьяволадѣ правильно поставлена задача: все возрастающее безуміе, угды зающе въ сумочномъ быту совѣтскаго учрежденія...

«Похожденія Чичикова» любопытно, какъ заданіе — перенести гогаевскіе герои въ обстановку совѣтской Москвы...

Лучше другіе Китайская исторія. Этой повѣсти о молодомъ китайцѣ, который хотѣлъ вернуться домой...

Владимиръ Надешевъ.

РОССІЯ ЗАРУБѢЖНАЯ. — Повѣсть П. Н. Краснова «Амазонка пустыни»...

— 21 августа этого года исполняется 5 лѣтъ со дня смерти въ Швейцаріи П. Д. Боборыкина.

— Въ Парижѣ организовалось молодое издательство подъ названіемъ «Новый Домъ»...

— Вышелъ новый романъ Роберта Хиченса «Богъ въ немъ»...

— Въ изданіи Христіанскаго Студенческаго Личняшка вышла книга проф. Н. С. Арсеньева «Мистика въ Восточной Церквѣ»...

— Вышли по англійски воспоминанія С. А. Мальсагова о Соловкахъ.

Памяти проф. И. А. Линниченко

1858 — 1926.

Нѣсколько дней назадъ въ русскихъ за рубежныхъ газетахъ появилось сообщеніе о смерти въ Россіи профессора Ивана Андреевича Линниченко.

И. А. Линниченко началъ свою научную дѣятельность еще въ началѣ послѣднихъ годовъ прошлаго вѣка...

И. А. Линниченко оставилъ замѣтныя свѣдѣнія о своемъ работѣ. Еще на студенческой скамьѣ онъ написалъ интересный очеркъ исторіи явца въ Киевской землѣ (1881)...

Магистерскую диссертацию И. А. Линниченко посвятилъ древнейшей исторіи русско - польскихъ отношеній (Кіевъ, 1884)...

Позднѣе вниманіе И. А. остановило на себѣ исторія Галицкой Руси, которой посвящена — помимо ряда дѣланныхъ статей — докторская его диссертация — «Черты изъ исторіи селовъ Галицкой Руси XIII — XIV вв.» (Москва, 1894)...

Археологическіе интересы И. А. Линниченко выражались въ редакціонной журналѣ «Археологическіе Исвѣстія» въ 90-хъ годахъ въ Москвѣ, и т. п.

Покойный И. А. Линниченко началъ свою научно - педагогическую дѣятельность въ Кіевѣ, а затѣмъ — послѣ нѣсколькихъ лѣтъ преподаванія въ Московскомъ Университетѣ — на порогѣ XX вѣка получилъ кафедру въ Новороссійскомъ Университетѣ въ Одессѣ...

Изъ среды его слушателей по Одесскому Университету выделяется значительная группа его непосредственныхъ учениковъ по научной работѣ.

И. А. былъ постояннымъ покровителемъ ихъ первыхъ ученыхъ трудовъ и при его непосредственномъ участіи были многіе изъ нихъ выпущены въ свѣтъ.

И. А. Линниченко не былъ историкомъ со строго ограниченными кругомъ спеціальныхъ научныхъ интересовъ. Богато одаренный и широко-образованный онъ отзывался на самые разнообразныя культурныя запросы и въ немъ отдавался долю своихъ значительныхъ дарованій.

Литература, театр, искусство такъ же какъ и наука привлекали его вниманіе, и въ его обширномъ литературномъ наслѣдїи немало замѣтныхъ очерковъ и страницъ отведено проявленіямъ русскаго творчества во всебъ этихъ областяхъ.

Самъ И. А. Линниченко былъ живымъ носителемъ множества живыхъ впечатлѣній отъ дѣятелей русскаго искусства и литературы, оживавшихъ подъ его искуснымъ и отточеннымъ перомъ или въ его блестящимъ устно разсказѣ.

И. А. обладалъ счастливымъ даромъ характеристики, и въ его книгахъ и очеркахъ можно найти дѣкую галерею яркихъ образцовъ русскаго писателя и ученаго.

Главнѣйшіе изъ этихъ очерковъ собраны въ книгѣ «Рѣчи и поминки» (Одесса, 1913).

Любя общенечной и политической жизни, выживавъ всегда живой откликъ со стороны И. А. Линниченко.

Напомнимъ здѣсь многочленнаго его выступленія по «українскому» вопросу, къ которымъ онъ подвергалъ строгой критикѣ и историческіе и общеполитическіе доводы «українскихъ» дѣятелей, или его очерки о положеніи русской школы, собранные въ книгѣ «Нужды нашей школы» (Одесса, 1916).

И. А. Линниченко былъ пламеннымъ другомъ книги. Именно въ обстановкѣ его богатой библіотеки (свыше 15.000 томовъ), развивалось его живое общеніе съ учениками и друзьями, въ этой библіотекѣ рождались научные запросы для очередныхъ докладовъ въ библиографическомъ обществѣ, для ученыхъ статей и книгъ всѣхъ свѣтъ.

Независимыя средства покойнаго И. А., дали ему возможность широко пополнять свое книжное собраніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, способствовать и содѣйствовать зародженію и рожденію на свѣтъ новыхъ книгъ и изданій.

Наталие работѣ помогавъ учениковъ И. А. было ему повелено при его участіи, многія книги и брошюры самого проф. Линниченко вышли въ свѣтъ — нима въ высказанно-расположеніи видѣ — на его личный счетъ.

Здѣсь любилъ къ прекрасной книгѣ перекладывать порою въ непреодолимую страсть.

Хотѣлось бы надѣяться, что и послѣ смерти И. А. Линниченко, его книжное браіе будетъ центромъ научной работы

— Въ Парижѣ васъ уже ждутъ - недождутся! — Ждутъ? Не дождутся!

— оно еще при его жизни, но въ порядкѣ революціоннаго накопленія» обращено было, къ сожалѣнію, не въ цѣломъ видѣ, въ библиотекѣ историческаго семинарія при Новороссійскомъ Университетѣ.

Вѣтло перебрала въ памяти черты личности и дѣятельности И. А. Линниченко, трудно исчерпывающе можно очертить всѣ сложныя сплетенія его характера и кулъ турной работы. Уже давно распался тотъ кругъ отношеній и лицъ, въ обстановкѣ которыхъ протекала его разнообразная дѣятельность, и И. А. ушелъ въ явца не въ разгарѣ своихъ дѣлъ, когда его смерть была бы такъ замѣтна и чувствительна для всѣхъ, его знавшихъ и дѣлвшихъ, а въ тахую пору безвременія, когда — «одъ нилъ ужъ лѣтъ, а тѣ — далече».

И. А. Линниченко кончилъ свою жизнь въ Симферополѣ, куда наехала его судьба въ 1910 году и откуда онъ не смогъ больше вернуться въ Одессу. Въ тяжкой болѣзни проводивъ онъ тамъ послѣдніе свои годы, вдали отъ своихъ книгъ, своего арха.

Дѣ будетъ легка ему землѣ! Ант. Флоровскій.

АНГЛІЯ. — На этой недѣлѣ Бернарду Шоу исполнилось 70 лѣтъ.

— Въ Лондонѣ закончился гастроль Дягилевскаго балета. Въ послѣднихъ спектакляхъ съ большимъ успѣхомъ выступили Людья Лопухова и Тамара Карсавина, получившія множество цѣтвенныхъ похвалъ. Танцовщицу Сергѣю Липару былъ поднесенъ лавровый вѣнокъ. Липаринировавшій спектаклями в Одессѣ на другой день по окончаніи гастроль въыхалъ въ туръ въ Калифорнію.

— Художникъ В. Перфильевъ послѣ путешествій по Испаніи и успешной работы на Балкарскихъ островахъ вернулся на короткое время въ Парижъ. На дняхъ отъ сно ва уѣзжаетъ на Балкарскіе о-ва. Въ сентябрѣ художникъ возвращается въ Америку.

Въ саду

Вечеромъ прѣхалъ Иванъ Васильичъ работаревъ, липецкій мѣщанинъ, уже давно снимающій въ усадьбѣ садъ.

Это небольшой старичекъ въ тепломъ глубокомъ картузѣ и въ голубой, сливаяшей отъ времени чуйкѣ («двадцать восьмой годъ съ плечъ не спускаю!»).

Всягда гордится — наигралъ себѣ эту манеру въ какомъ то большомъ соответствии со всѣмъ своимъ характеромъ.

Сколь старъ, опредѣлить невозможно: «я его такимъ споконъ вѣку помню», говорятъ про него въ Липецкѣ, но всѣмъ извѣстно, что выносившій, неумолимо онъ на рѣдкость и гордится вовсе не отъ старости, хотя и любитъ пожаловаться на нее и вообще на свои недуги.

«Умень, какъ бѣсъ» (употребляя опять таки липецкое выраженіе), наблюдателенъ поразительно, жизненный опытъ имѣеть громадннй. Курчавится сѣрая жесткая борода, курчавы черно - сѣрыя брови и волосы на носу.

Смотреть чаще всего въ землю, взглядывающа исподлобья. Въ живыхъ черныхъ глазахъ и въ губахъ постоянная снисходительная усмѣшка.

Мужикъ, привезшій его въ эти сумерки на барскій дворъ со станцій, человекъ, нѣдавно оставившій телѣгу какъ разъ посреди двора.

Иванъ Васильичъ легонько покрутилъ головой на его глупость, не безъ труда (или притворяясь, что ему трудно) слезъ, откинулъ полу чуйки, обернулся и, еще больше сгорбившись, вытащилъ изъ кармана шароваръ очень большой и очень засаленный кошелекъ.

Мужикъ тупо глядѣлъ на сѣрые волосы, курчавившіеся на его шеѣ. Онъ же неспѣша отсчитывалъ мѣдякамъ восемь гривенъ и, подумавъ, прибавилъ еще двѣ копейки, на монгарычъ:

— Держи, любезный. Съ прибавочкой за старанье.

Потомъ, запахнувшись, пошелъ, слегка шаркая, въ садъ, прошелъ по аллѣ къ шалашу, къ караульщикамъ, которымъ онъ прислалъ изъ-подъ Липецка еще въ концѣ мая:

— Здорово, братушки. Ради, не ради, принимайте хозяина.

Караульщики, улыленно улыбаясь, низко раскланялись:

— Милости просимъ, доброго здоровья

Иванъ Васильичъ. Въ аккуратъ къ самоварчику!

Самоварчикъ дымилъ по всей аллѣ густымъ дымомъ и уже кипѣлъ.

Иванъ Васильичъ сѣлъ на лавку возлѣ шалаша, снялъ картузъ, положилъ его возлѣ себя, предвѣрительно слушавъ съ лавки, пригладилъ сѣрые курчавые волосы, оглянулся:

— Ну, какъ? Все въ порядкѣ?

— Пока плохого нѣту, Иванъ Васильичъ. Караульщикъ, старается...

Чай подали ему (тоже осторожно, почтительно) въ толстой чашкѣ съ синими разводами, сахаръ въ жестянкѣ изъ подъ килекъ.

Онъ выпилъ двѣ чашки и сталъ вертѣть сыгарку, усамахая и глядя въ землю.

— Ну, и слава Богу, что пока все хорошо, — сказалъ онъ, закуривъ и распространяя сладкій запахъ «отборной» махорки.

— Ну, и слава Создателю... А я, братушки, къ вамъ денска на два вырваться. Прѣхалъ съ большимъ удовольствіемъ на душѣ. У васъ тутъ рай. А у меня — изабъ Богъ. Въ домѣ ремонтъ, со штукарами скандалъ бесконечный... несроднаго я характеру съ нынѣшнимъ народомъ! Ни совѣсти, ни чести, хотѣлъ въ глаза, все Бржнея роса. Въ головѣ одиць обманъ до орленый штофъ.

А сами живемъ, какъ цыгане, сбились всей семьей въ одной горницѣ, въ одинъ таборъ, а я этого не могу. На столѣ весь день русская картина: самоваръ не убранъ, возлѣ самовара тарелка съ завареной горчицей.

Бабушка третъ ее съ утра до вечера шеробатой ложкой, и понятню заливается въ три ручья, плачетъ отъ нея. Ухъ, говоритъ, и крпика же будешь, мертвому глаза продереть.

А на кой лядъ мнѣ эта крпика, съ похмелья я что-ли, позволить спросить? А подѣ ногами, на полу — шуки, куча поганыхъ игрушекъ. А жена насѣдой кохочетъ, все болна чѣмъ-то, а дочь скучаетъ, Божій свѣтъ не миль, говоритъ, а почему — незвѣстно: горе отъ ума Гриболава, видимое дѣло. А я этого не могу, я человекъ эластичный, у меня отъ этого шумъ въ ухахъ дѣляется.

— Ужъ чего хуже! — сочувственно подтвердили караульщики. — А отъ этого шуму, говорятъ, вощъ на человека кидается.

Иванъ Васильичъ помолчалъ; потомъ поднялся и пошелъ за шалашъ.

— Вощъ, не вощъ, а не радость, — сказалъ онъ, возвращаясь оттуда, поплеывая на кончики пальцевъ и опять садясь. — За весь день ни покоя тебѣ, ни удовольствія. А ночью сны одолѣва-

ютъ и, что ни увидишь, все будто, по бабушкѣ, не къ добру выходитъ. Скажешь, къ примѣру, просто шуткой, незначай: я, молъ, нынче во: снѣ лисичку видѣлъ, а она и приважится: охъ, не хорошо, охъ, это къ обману, къ неприятности. А позволить спросить, что у неа къ приятности? Я, говоритъ, въ сонникѣ читала: видѣть во снѣ автомата къ неблагополучію. Но позволить, бабушка, при чемъ тутъ автоматъ? А вотъ при томъ-то, говоритъ. Да, но никакого автомата я не видалъ да и гдѣ, они, эти автоматы, у насъ въ Липецкѣ? Все равно, говоритъ. И пойдетъ строчить: видѣть во снѣ ельничкъ — къ неприятности, очки надѣвать — къ неприятности, сидѣть подѣ балдахиномъ — къ горести, пить теплую воду — къ печали, вить деревянное масло — къ смерти, вить блины — къ смерти, вить воронье мясо — къ пожару, вить драчену — къ разладу, бритъ бороду — къ убытку, пѣтъ тоинымъ голосомъ — къ зубной боли, еврея видѣть — къ вредному знакомству... Одно слово, гадая мой голова!

И онъ даже легонько рукой махнулъ.

— Выходитъ, по еѣ, что одно хорошо: видѣть во снѣ, что демотъ пьешь, — это было къ успѣху. А съ прислугой какая мука? Нанялъ дѣвку: такъ не то.

что готовить, — свинямъ дерма съ хоботомъ не замѣсить и опять же какъ профанъ глупа. Морда сиськой, сама какъ мисопотамъ накой. А тутъ еще сѣлъ тронулся — лавочникъ Шуриновъ, знаете, небось?

— Какъ не знать, — сказали караульщики. — Съ чего жъ это онъ? По его достатку только жить бы да жить!

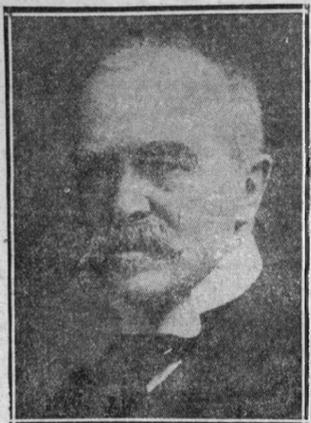
— А вотъ подите-жъ, — сказала Иванъ Васильичъ. — Въ отдѣлку спятилъ. Какъ ни заглянешъ — сидитъ ва прилавокъ въ желткѣ, голову на руку пристроилъ и читаетъ. На стѣнѣ картину прибилъ: лѣсъ зеленый, дремучій, ели лохматые, избушка подѣ нимъ, а на ладонкѣ подѣ нѣу углончикъ, и перѣдъ угломъ никомъ — медвѣдъ, ручку ему лижетъ.

Ов, говорю, Николай Ивановичъ, зачитавшись — въ карманѣ не достаетеся, печалится -- хвостъ замочилеся. А онъ въ отвѣтъ на это чуть не въ слезы: эхъ, Иванъ Васильичъ, не обѣ карманѣ, говорить, намъ съ вами думать злобною. — А обѣ чѣмъ-же, молъ? — А обѣ томъ, говорить, что нонче тѣ съ дружкамъ, а завтра съ червями, нынче въ порфирѣ, а завтра въ могилѣ: жизнь наша яко цвѣтъ травный миръ идеть. Что такое, къ примѣру, вамиръ влияющій? А между тѣмъ это есть смерть. Вотъ, говорить,

Два знаменитых чешских историка

ФРАНТИШЕК ПАЛАЦКИЙ
Къ 50-лѣтію его смерти

ЯРОСЛАВ ГОЛЛЬ
Къ его 80-лѣтію

Проф. Ярослав Голль

ПО ПОВОДУ ЕГО 80-ТИЛѢТІЯ

Чешская наука въ концѣ XIX в. г. въ рядѣ торжественныхъ заведеній помянула скончавшагося 50 лѣтъ тому назадъ (26 мая 1876 г.) великаго чешскаго историка, Франтишка Палацкаго. Непосредственно за этимъ поминками, большою кружою чешскихъ историковъ отпраздновалъ восьмидесятилѣтіе профессора Ярослава Голля, виднѣйшаго изъ современныхъ чешскихъ исследователей историческихъ судебъ Чехии, пражскаго продолжателя трудовъ Палацкаго, преимущественно въ области релігіозной жизни чешскаго народа XV стол., замѣчательнаго учителя, создавшаго большую школу учениковъ, нынѣ развивающихся на кафедрахъ историческихъ во всѣхъ трехъ университетахъ (въ Прагѣ, въ моравскомъ Брнѣ и словенской Братиславѣ).

Главнымъ трудомъ въ этой области является большое исследование, замѣчательное по строгости критическаго метода: Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der Böhmisches Brüder (1878-1882), обнимающее начальныя годы жизни Общины и (во второй части) знакомящее съ жизнью и учениемъ великаго мыслителя Петра Хельчицкаго и опредѣляющее его роль и вѣсто въ духовномъ развитіи чешскаго народа. Внутренней жизни Общины, взаимоотношеній различныхъ группировокъ въ ней и спорамъ отдѣльныхъ партій онъ посвящаетъ особое исследование на чешскомъ языкѣ (Братская Община въ XV ст., 1883—1886).

Однимъ изъ послѣднихъ большихъ трудовъ проф. Голля была чешская монографія: *Чехія и Пруссія въ средние вѣка* (1897), посвященная связямъ Чехии съ Пруссіей, Польшею и Литвою до XVI ст., главнымъ образомъ — сношеніямъ въ гуситскую эпоху.

Въ данномъ спорѣ о подлинности т. н. Крадеворской и Зеленогорской рукописей, знаменитыхъ «новѣйшихъ памятниковъ древней чешской письменности» (по выраженію В. И. Лазарскаго), съ особенной остротою возгорѣвшемся въ восьмидесятые и девяностые годы, прошло столѣтіе, онъ принялъ участіе блестящимъ этою дѣломъ, въ которомъ доказывалъ подлинность писемъ первой изъ нихъ на основаніи историческаго разбора ихъ содержания (1897). Проф. Голль принадлежитъ заслуга, вмѣстѣ съ проф. Ант. Резвокомъ, основанія въ 1895 г. *Чешскаго историческаго журнала*, нынѣ издаваемого его талантливымъ ученикомъ, проф. Пекаржемъ.

Обширная школа учениковъ профессора Голля, работающихъ нынѣ на принципъ преимущественно чешской исторіи, есть несомнѣнно лучшей показателемъ гѣхъ огромныхъ успѣховъ, которыхъ онъ достигъ на университетской кафедрѣ, какъ учителя.

Его образованію историческій семинарій всегда привлекалъ не только чешскихъ слушателей его, но и другихъ славянскихъ историковъ (подъ руководствомъ профес. Голля работали здѣсь и покойный проф. Петроградскаго Университета Н. В. Игнатьевъ).

Съ гордостью и полнымъ сознаниемъ его всероссійскаго великаго дѣла, можетъ оглянуться на пройденный долгой жизненный путь застывшій юбиляръ, которому отъ души желаемъ еще многихъ лѣтъ жизни.

В. А. Францевъ.

Въ Петроградѣ Госиздатомъ выпущенъ сборникъ статей «Пушкинъ въ мировой литературѣ» размѣръмъ въ 26 печатныхъ листовъ. Въ сборникѣ напечатаны слѣдующія статьи: Б. Томашевскаго «Пушкинъ и Буало», С. Савченко — «Эллигія Ленскаго и французская эллигія», Н. Яковлева — «О Пушкинѣ и англійскихъ поэтахъ», Ю. Тыннова — «Арахантъ и Пушкинъ».

На литературное поприще онъ выступилъ очень рано, какъ поэтъ, обнаружившій несомнѣнное дарованіе и изысканный вкусъ, и въ своихъ оригинальныхъ стихотвореніяхъ (самостоятельно вышли въ 1874 г.) и въ переводахъ съ французскаго языка (Беранже), польскаго (Мидкевича) и итальянскаго.

Отмѣнимъ также его статью (1886 г.): *Дѣло Толстой и его релігія*, гдѣ впервые въ чешской литературѣ философско-релігіозная воззрѣнія русскаго писателя были изложены въ системѣ и сопоставлены съ учениемъ о непорочности Петра Хельчицкаго и ранней эпохи чешскихъ братьевъ.

Первые историческія труды, небольшіе этюды, проф. Голль посвященъ были эпохѣ Тридцатилѣтней войны, ея бурными начальными годами, но затѣмъ они перешли къ изученію релігіознаго движенія въ Чехіи, въ XV ст., къ исторіи общины чешскихъ братьевъ и выясненію дѣятельности ея главныхъ представителей, тщательно собирая съ этой цѣлью матеріалы въ архивахъ Гертуга (Охранова), Блжавы, Фрейберга, Згоръльды (Герлицы) и создавая на основаніи ихъ рядъ живыхъ очерковъ по исторіи Братской общины.

Понимаете, — сказалъ Иванъ Васильичъ, поднимая голову: — любому Филарету не услужить, а на самого глянешь — даже жуть беретъ: ну, прямо буйволъ дикій, а не человѣкъ! — Ахъ, не вѣдала наша земля, братушки, — сказала знь, крутя головой. — Сумасшедшій мы народъ, съ жиру бѣсимся. Теперь, говорятъ, его ужъ подлѣ опеку хотятъ взять да въ Тамбовѣ въ желтый домъ класть. Да и что-жъ съ нимъ иначе дѣлать? Теперь, говорятъ, одно твердить: амнистия да онагръ, велудь да тля, скимень да вретисе... А чего ему не доставало, чѣмъ онъ недоволенъ? И всѣ мы такъ-то: все не по нашему, все не хорошо да недостаточно. Бѣда лечеба по селу со станицы, а впереди — зло-орывный баландъ: пубада распояской, годовая злоох-

мачена, разодралъ гармонью на три версты и оретъ на всю округу: «Охъ, казено усе имъне, самъ зарозую у каменья!» — Шутки шутками, а видимо, не просто мы такъ-то шутимъ: дошутимся!

— Ну, а что-жъ въ городѣ говорить? — спросилъ одинъ изъ караульщикоу. — Когда жъ эта война кончится? Правда, будто и французскій царь на наше колебается?

— Этого не слыхалъ, — сказалъ Иванъ Васильичъ. — Вратъ не хочу. Этого не слышалъ. Да тамъ, говорятъ, и царя-то никакого нѣту. Опять же они и союзники наши, эти самые французы. Правда, поумнѣе насъ чуточку будутъ, — все наравнѣ подлѣ имъна нашу дурацкую башку подставить, моль, помри ты нынче, а я завтра, ну, а все таки союзники.

— Колебайся, не колебайся, — съ притворной развязностью и, видимо, желая угодить Ивану Васильичу, сказала другой караульщикъ, — колебайся, не колебайся, все равно имъ, этимъ царямъ, теперь шабашъ. Куда-жъ имъ къ чорту противъ нашего, противъ нашей державы? Вонъ вчера прихолодилъ одинъ какой-то сволочь со станицы, — я, говорить, по своимъ дѣламъ мимо васъ въ Ростовъ пробираться... А послѣ того и зачалъ меня настрачивать: будто царица у насъ

Нѣмецкій поэтъ о Толстомъ и Родзѣнѣ

Въ «Нувель Литераръ» очереднаго бѣсѣда Фредерика Лефера («Une heure avec...») посвящена Райнеру-Марію Рильке — крупнейшему лирическому поэту современной Германіи, котораго только сейчасъ начинаютъ по настоящему узнавать и цѣнить во Франціи, хотя онъ много лѣтъ прожилъ во Франціи, былъ близокъ съ Родзѣномъ, зналъ Верхарна, друженъ съ Полемъ Валери, великолѣпные переводы котораго Рильке выпустилъ по-нѣмецки.

Два факта сыграли большую роль въ жизни Рильке, небогату событіями и скрытую, особенно послѣ войны, отъ глазъ публики. Эти два факта — близость съ Родзѣномъ въ періодъ жизни въ Парижѣ и знакомство съ Россіей, которое было откровениемъ для Рильке, и въ частности съ Львомъ Толстымъ.

Въ бѣсѣдѣ своей съ Леферомъ нѣмецкій поэтъ рассказываетъ какъ онъ впервые прѣхалъ къ Толстому въ Ясную Поляну.

«Мы прѣехали въ имѣніе Толстыхъ къ концу утра и передъ завтракомъ насъ провели въ гостиную когда вдругъ въ сосѣдней комнатѣ мы услышали шумъ голосовъ, хлопанье дверей и топанье ногъ. Можно было подумать, что мы попали въ разгаръ какой-то драмы, но это была лишь драма завтрака, повторяющаяся ежедневно. Вдругъ дверь отворилась и показался Толстой. «Нѣтъ, я не хочу завтракать!» Кричалъ онъ, топя ногой... И обратившись къ намъ, которыхъ онъ видѣлъ впервые, онъ воскликнулъ: «Что вы предпочитаете: ити со мной въ дѣсь, въ поле, или завтракать здѣсь какъ дураки, за столомъ, съ графинами и тарелками?» «Разу мѣнется, мы предпочли прогулку въ дѣсу съ Толстымъ завтраку на тарелкахъ» — кончаетъ Рильке.

О Родзѣ Рильке рассказываетъ такой фактъ.

«У Родзѣ было нѣсколько ателье, такъ какъ онъ долженъ былъ постоянно избѣгать славы, посѣтителей, окружающихъ... Въ послѣдніе годы онъ становился все меньше и меньше свободнымъ: Г-жа Родзѣ была очень ревнива... Однажды Родзѣ ушелъ изъ дому рано утромъ, не говоря куда. На лицѣ его было написано веселое нетерпѣніе. Встревоженная, г-жа Родзѣ рѣшила послѣдовать за нимъ. На вокзалѣ Сентъ-Лазаръ Родзѣ сѣлъ въ поѣздъ и сошелъ на третьей станицѣ. Жена сѣдовала за нимъ. Онъ вышелъ съ вокзала и прошелъ нѣсколько улицъ увѣреннымъ шагомъ человѣка, знающаго куда онъ направляется. Вотъ онъ у цѣли! Посреди площади. Онъ поднимаетъ вверхъ глаза. У Родзѣ было свиданіе съ Шартрскимъ соборомъ!»

Изъ бѣсѣды Рильке съ Леферомъ мы узнаемъ, что Рильке еще тогда, когда началъ изучать русскаго языка, перевелъ одинъ романъ Достоевскаго. Переводъ этотъ никогда не было напечатанъ.

ФРАНЦІЯ

— Шарль Вильяркъ готовитъ книгу прозы подлѣ заглавіемъ «Разсказы». Книга будетъ иллюстрирована гравюрами на деревѣ Ангелины Бълюовой.

— Копія памятника извѣстному поэту — паризскому Эредю, поставленнаго въ Люксембургскомъ саду, отпралена на о. Кубу, родину поэта.

— Комитетъ, состоящій изъ румынскихъ писателей, присудилъ франко-румынскую литературную премию романисту Гиза Рокка, автору романа «Honorable partie de campagne». Въ свою очередь комитетъ Феминна присудилъ свою франко-румынскую премию писателю Букуцца за романъ «Красный платокъ».

— Вышла книга Аниэля Астри о художникѣ Тулузѣ-Лотрекѣ. Къ книгѣ приложены послѣднія страницы, написанныя покойнымъ Госюставомъ Жеффруа, председателемъ Академіи Гонкурровъ.

— Съ 30-го июля по 2 августа въ Клермонъ-Ферранѣ будетъ происходить второй конгрессъ французскихъ писателей подлѣ председательствомъ академика Пьера де Ноляма.

— Во французскихъ газетахъ напечатано письмо Жана Кокто, устанавливающее подлинность выпущеннаго издательствомъ «L'Édition» корзинъ въ Шампини сборника эротическихъ стиховъ, якобы принадлежавшихъ перу молодого безразлично по имени писателя Раймонда Радигъ, автора двухъ романовъ, изъ которыхъ одинъ — «Le diable au corps» — составилъ Радигъ имя, когда онъ былъ еще почти мальчикомъ. Кокто пишетъ, что всѣ рукописи Радигъ находятся у него. Издательство Грассъ возбуждаетъ противъ неизвестныхъ издателей судебное пресѣдованіе.

«Охъ, казено усе имъне, самъ зарозую у каменья!» — Шутки шутками, а видимо, не просто мы такъ-то шутимъ: дошутимся!

«Охъ, казено усе имъне, самъ зарозую у каменья!» — Шутки шутками, а видимо, не просто мы такъ-то шутимъ: дошутимся!

Къ образованію кабинета «Национальнаго Единенія» во Франціи

Слѣва:

Р. Пуанкаръ собираетъ о сформированіи имъ кабинета «Национальнаго Единенія».

Справа:

Г. Эррио покидаетъ Президента Республлки, вручивъ ему отставку кабинета.

Внизу:

На парижской биржѣ.

Русскіе студенты за рубежомъ

«Вѣстникъ Русскаго студенческаго движенія въ Западной Европѣ». Выходить перваго числа каждаго мѣсяца. Цѣна отдѣльнаго номера 2 франка. Подписка принимается: Н. М. Зерновъ, 10, Бульваръ Монпарнасъ, Парижъ 15.

Въ восьмомъ, июльскомъ номерѣ этого интереснаго журнала особое вниманіе обращаетъ на себя статья епископа Веніамина «Какъ изучать Святыхъ Отцовъ», являющаяся продолженіемъ статей, напечатанныхъ въ 5-мъ и 7-мъ номерахъ Вѣстника.

Авторъ указываетъ на два способа читать святоотеческія писанія — «научный» и «назидательный», онъ не отрицаетъ пользы перваго способа, но душа его лежитъ больше ко второму, при которомъ повторяя слова Владыки: «мало по малу воспитывается замѣчательное «чувство» Святыхъ Отцовъ», какъ бы ощущение ихъ духа — святоотеческое чутье». Это — глубокая мысль, и лучше всякой другой можетъ быть, именно она объясняетъ разницу. Нельзя сказать, чтобы на Западѣ не обращали вниманія на Отцовъ Церкви: достаточно вспомнить о знаменитомъ полномъ собраніи твореній св. Иоанна Златоуста, изданномъ по гречески Савилемъ въ Итонѣ, въ Англии, въ началѣ 17 столѣтія, тогда, когда у насъ было смутное время. Однако, всѣ западные, греческія и латинскія изданія Отцовъ, были трудами ученыхъ для ученыхъ и до церковнаго народа не доходили.

На Руси такихъ научныхъ произведеній не появлялось, зато тамъ Учители Церкви, а св. Иоаннъ Златоустъ въ особенности, были не школьными, университетскими, чужими авторами, а своими, служивъ имъ пищи для размышленія и источникомъ назиданія.

Всѣ это положило на душу русскаго человѣка неизгладимый отпечатокъ душевнаго христіанскаго эллинизма въ отличіе отъ штемеля сухой латинской культуры на западныхъ европейцахъ.

Дай Богъ, чтобы мы опять начали читать Святыхъ Отцовъ и этимъ окупилась бы въ родину намъ животворящую стихію. Для этого было бы очень полезно статьи епископа Веніамина собрать и выпустить отдѣльную брошюру. Такое начинаніе тѣмъ болѣе желательно, что по части релігіозности среди нашей молодежи, вопреки общепринятому мнѣнію, не все обстоитъ благополучно. Неумолимый отецъ діаконъ Липеровскій объѣхавшій Балканы, въ своей корреспонденціи изъ Сербіи, помѣщенной въ этомъ же номерѣ журнала, предостерегаетъ насъ отъ иллюзій. Вотъ что онъ пишетъ:

«Всего въ Бѣлградѣ около 500 студентовъ. По свидѣтельству многихъ, живущимъ въ общестіи и въ томъ числѣ членовъ Братства и кружка — отношенія большинства студентовъ къ вѣрѣ въ Христа и къ Церкви или неясное, индифферентное, или даже враждебное, — но говорить объ этомъ избѣгаютъ. По внѣшности все обстоитъ будто благополучно».

Для многихъ такая слова явятся большимъ огорченіемъ, но отъ огорченія всегда польза: они напоминаютъ о необходимости работы.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о программѣ Вѣстника; она продумана очень тщательно. Въ журналѣ семь отдѣловъ: 1) Вопросы духовной жизни, 2) Христіанство и современность, 3) Церковная жизнь, 4) Пути христіанскаго движенія, 5) Хроника, 6) Библиографія, 7) Почтовый ящикъ.

Во II, III, IV и V отдѣлахъ содержится масса интересныхъ фактическихъ свѣдѣній изъ всѣхъ мѣстъ расселенія русскихъ объ ихъ релігіозной жизни.

Журналъ издается и редактируется группой молодыхъ энтузиастовъ; онъ является однимъ изъ очень утѣшительныхъ явленій русскаго зарубежной жизни и заслуживаетъ общей поддержки. Страницы.

ЭЛЕКТРОСТАНЦІЯ РИНКАНЪ

До послѣдняго времени самой мощной электростанціей въ Европѣ была знаменитая электростанція Вальхензеверкъ, въ 90 километровъ къ югу отъ горъ Мюнхена, развивающая 180.000 лошадиныхъ силъ и являющаяся основой для всей электрофикаціонной системы Баваріи. Эта станція имѣетъ 110.000 вольтъ напряженія.

Но нынѣ рекордъ въ Европѣ побитъ: недавно открытой въ Норвегіи новой электростанціей Ринканъ, развивающей чудовищную мощность въ 250.000 лошадиныхъ силъ. Станція эта расположена на южной сторонѣ Норвегіи, вблизи горъ Шинъ, родины Генрика Ибсена, у подножья горъ съ вершиной Ганста.

Движущую силу воды для своихъ водяныхъ турбинъ станція эта получаетъ по громаднымъ трубопроводамъ, свѣшею одной сажени въ діаметрѣ, изъ горнаго озера Мьєрсрэнъ, расположеннаго на вершинѣ горъ, на высотѣ 3.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Рабочая высота спада составляетъ 575 метровъ, а общая сумма воды, поступающей къ названному озеру по 10 трубопроводамъ къ 10 водянымъ турбинамъ станціи, составляетъ 50.000 метровъ воды въ секунду. Станція эта является нынѣ основой для всей электрофикаціонной системы Норвегіи (Норскъ Гидро) и по подвѣннымъ проводамъ снабжаетъ своей электроэнергіей всю Норвегію.

Ив. Бушинъ.